

63.3(2)
3-12
СА-399625



АНТОЛОГИЯ
МЫСЛИ

И. Е. Забелин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

ЧАСТЬ 1

 **Юрайт**
издательство
biblio-online.ru



1820—1909

И. Е. Забелин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ЧАСТЬ 1

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СА-399625

Оглавление

Предисловие автора.....	7
Глава I. Природа русской страны	12
Глава II. Откуда идет русское имя?	37
Глава III. Имя Руси идет от варягов-славян	101
Глава IV. История русской страны с древнейших времен	151
Глава V. Древняя Скифия в своих могилах	203
Глава VI. Европейская Сарматия римского века	232
Глава VII. Первые слухи о русской Руси	345
Глава VIII. Русская летопись и ее сказания о древних временах.....	380
Приложения	458
I. Ругия-Русия.....	458
II. Поморская земля.....	464
III. Карта Померании XVII ст.	465
IV. Примечание автора к стр. 255.....	479
Авторские ссылки и примечания.....	481
Новые издания по дисциплине «История России» и смежным дисциплинам.....	510

Предисловие автора

Настоящая книга составляет вводную часть к труду, который, как дальнейшее развитие изысканий автора по истории русского домашнего быта вообще¹, был предпринят благодаря живому участию в этом деле покойного Василия Андреевича Дашкова, предложившего этот труд автору еще в 1871 году с необходимыми материальными средствами для выполнения работы и для ее издания.

Заглавие книги вполне обозначает цели и задачи настоящего труда. Но выполнение этих задач, конечно, требует не тех сил, какими обладает автор. Его работа, во всяком случае, будет только попыткой уяснить себе эти самые цели и задачи, ибо легко ставить вопрос и вовсе не легко самим исследованием определить пространство и качество разработки этого вопроса. Понятие о жизни чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопределенно, поэтому немалый труд для исследователя заключается уже в одном только раскрытии основных положений, способных пролить какой-либо свет на необозримый материал, оставленный прожитой жизнью.

Жизнь народа в своем постепенном развитии всегда и неизменно руководствуется идеями, которые дают народному телу известный образ и известное устройство. Историки стремятся найти такие идеи в общей жизни народа, в его политическом или государственном и общественном устройстве. Но мелочный повседневный частный быт точно так же всегда складывается в известные круги, имеющие свои средоточия, которые иначе можно также именовать идеями. Если подобные мелкие круги народного быта не могут составлять предмета истории в собственном смысле, то для истории народной жизни они суть прямое и необходимое ее содержание. Раскрыть эти частные мелкие жизненные идеи — вот, по нашему мнению, прямая задача для исследователя народной жизни. Но само собой разумеется, что попытаться до этих идей возможно только посредством разнородных и разнообразных свидетельств самой же исчезнувшей жизни. Здесь и представляется беспредельное и необозримое поле для изысканий, на котором вдобавок не все то возделано, чего требует именно история жизни.

Вместе с тем изыскателя русской бытовой древности на первых же порах изумляет то обстоятельство, что русский человек относительно своей культуры или исторической и бытовой выработки и в ученых исследованиях, и в сознании образованного общества представляется, в сущности, пустым местом, чистым листом бумаги, на ко-

Глава I

ПРИРОДА РУССКОЙ СТРАНЫ

Понятия древних о нашей стране. — Ее отличие от остального материка Европы. — Грудь русской равнины. — Русский вид — ландшафт. — Русский мороз. — Лес и поле — степь. Свойства жизни в поле и в лесу. — Народные пути-дороги из нашей равнины в приморские и заморские страны юга, севера и востока. — Значение речного угла Оки и Волги.

Обширный восток Европы — Русская страна уже в глубокой древности отделялась от остальных европейских земель как особый, своеобразный, совсем иной мир. Это была Скифия и Сарматия, безмерная и беспредельная пустыня, уходившая далеко к северу, где скрывался ужасный приют холода, где вечно шел хлопьями снег и страшно зияли ледяные пещеры бурных северных ветров. Там, в верху этой пустыни, по общему мнению древности, покоились крюки-замычки мира и оканчивался круг, по которому вращались небесные светила. Там солнце восходило только раз в год и день продолжался шесть месяцев; затем солнце заходило и наставляла одна ночь, продолжавшаяся столько же времени. Счастливые обитатели той страны, гиперборейцы, как рассказывали, сеяли хлеб обыкновенно утром, жали в полдень, убирали плоды при закате солнца, а ночь проводили в пещерах. У этих гиперборейцев, на конце известного мира, древние помещали свои радужные мечты о счастливой и блаженной жизни и рисовали их страну и их быт теми блаженными свойствами, каких всегда себе желает и отыскивает человеческое воображение. Гиперборейцы обитали в приятнейшем климате, в стране, изобильной всякими деревьями, цветами, плодами; жили в священных дубравах, не ведали ни скуки, ни скорби, ни болезни, ни раздоров; вечно веселились и радовались и умирали добровольно, лишь тогда, как вполне пресыщались жизнью: от роскошного стола, покрытого яствами и благовониями, пресыщенные старцы уходили на скалу и бросались в море.

Поэтам и стихотворцам вся наша страна представлялась покрытой вечным туманом, парами и облаками, сквозь которые никогда не проглядывало солнце и царствовала повсюду одна «гибельная» ночь. Свои понятия о свойствах природы на дальнем севере они распространяли на всю страну и утверждали басню о киммерийском мраке, покрыв

этим мраком даже светлую область Черноморья, где, собственно, и жили древние киммерияне.

Несмотря на поэзию, древние, однако, достоверно знали, что далекий север нашей страны представлял мерзлую пустыню, покрытую ледяными скалами, что в средней полосе находились безмерные болота и леса, а южный край расстилался беспредельной степью, в которой обитали скифы, народ славный, мудрый, непобедимый, обладавший чудным искусством в войне, ибо догнать и найти его в степи было невозможно, равно как невозможно было и уйти от него. В этом коротком очерке скифской войны вполне и очень наглядно выразилось, так сказать, военное существо наших степей, да и всей нашей страны, откуда не могли выбраться со славой ни Дарий Персидский, воевавший со скифами, ни Наполеон, предводитель галлов, воевавший с русскими.

Древние хорошо также знали, что страна наша очень богата такими дарами природы, каких всегда недоставало образованному и промышленному югу. В их время отсюда, от Уральских гор, приходило к ним даже золото. Они знали, что Днепровские и другие окрестные места славились чрезвычайным плодородием своей почвы и служили для них всегдашней житницей; что в устьях больших рек, и особенно в Азовском море, которое прозывалось матерью Понта, т. е. Черного моря, ловилось невероятное множество рыбы, которая также составляла важнейший прибыток греческой торговли; что подальше, на севере, в лесах водилось столько пчел, что, по рассказам, они заграждали пути к дальнейшим краям севера; а от пчел приносилось новое изобилие меда и воска, доставлявшее точно так же великие прибытки южной торговле. Дальний север больше всего славился мехами пушных зверей, которых там водилось такое же множество, как и пчел, и меха которых роскошными людьми ценились очень дорого, ибо употреблялись не только для богатой теплой одежды, но и для украшения одежд опушкой наравне с золотом. От устьев Дуная и до устья Дона наши берега были, можно сказать, усыпаны греческими поселками и городами, которые все существовали и богатели только торговлей с нашим же краем. Словом сказать, с незапамятной древности природные богатства нашей страны не только привлекали к ней торговую промышленность образованного юга, но и служили красками для невероятных рассказов, рисовавших особые, неизвестные в других странах свойства нашего климата и нашей природы. Скифия была особым миром, имевшим свой особый людской нрав, свое особое небо, свой воздух, свои земные дары, свой особый нрав природы. Вот почему у древних греков в Афинах с жадностью целый день на торжищах слушали дивные рассказы приезжих от устьев Борисфена, как тогда прозывался наш славный Днепр, и, конечно, с большими преувеличениями, чтобы сильнее тронуть любопытство и произвести потрясающее впечатление, в чем повинен немало и Геродот.

Точно так же и новейшая наука признает, что Русская страна в своей географии есть особое существо, несколько не похожее на остальную

Глава II

ОТКУДА ИДЕТ РУССКОЕ ИМЯ?

Норманнство и славянство Руси. — Имя Руси идет от варягов-скандинавов. — История этого мнения. — В каком виде оно представляет себе начало русской истории и исторические свойства русской народности? — Русские академики в борьбе с мнениями немецкими. — Замечание императрицы Екатерины II. — Сомнения немецких ученых. — Карамзинское время. — Торжество учения о норманнстве Руси. — Его основа — отрицание.

Еще в конце тридцатых годов прошлого столетия один из даровитейших исследователей русской и славянской древности, карпаторосс Венелин, писал, между прочим: «И доселе не знают, с какой Руси начинать русскую историю».

С тех пор прошло уже 70 лет, но эти слова Венелина не совсем потеряли свой правдивый смысл и в настоящее время. Несмотря на господствующее теперь мнение, что Русь происходит от норманнов, время от времени появляются новые решения этого спорного вопроса, и каждый изыскатель, входящий в подробности дела, всегда выносит если и не вполне новую мысль, то, по крайней мере, какое-либо свое, особое, новое толкование хотя бы и очень старых суждений о том же предмете. Трудно перечислить все оттенки таких суждений и толкований. Большинство исследователей и самых деятельных, как прежде, так и в настоящее время, становится на сторону норманнского происхождения Руси. Норманнское мнение основано, утверждено и распространено немецкими учеными, славные авторитеты которых сами собой способны придать высокую цену каждому их мнению. Большинство, естественно, принимает на веру последнее слово науки; а наука, и притом в немецкой обработке, твердит это слово более полутора столетия. Есть ли рассудительная причина и возможность не верить ему?

На этом основании мнение о норманнстве Руси поступило даже посредством учебников в общий оборот народного образования. Мы давно уже заучиваем наизусть эту истину, как непогрешимый догмат.

И, несмотря на то, все-таки являются сомнения. В течение тех же полутора столетия лет проходят рядом с принятой истиной противоречия ей, возникают споры, поднимаются опровержения этого непогрешимого вывода науки, показывающие, вообще, что основания его слабы и что нет в нем настоящей истины. Эти споры то утихают, то поднимаются

Глава III

ИМЯ РУСИ ИДЕТ ОТ ВАРЯГОВ-СЛАВЯН

Кого понимает первая летопись под именем варягов. — Истое варяжество прибалтийских славян. — Где, по летописи, находилась Варяжская Русь. — Русь Рюгенская. — Русь Неманская. — Древнейшие следы варягов-славян в нашей стране в именах мест. — Заключение.

Теперь, как всем известно, никто не сомневается, что варяги суть скандинавы, и потому все мы, произнося имя варяг, в точности разумеем, что это не кто иной, как норманн, скандинав и даже швед. Так твердо и крепко мы заучили эту немецкую истину.

Наияснейшим местом у Нестора, показывающим, что варяги были несомненные скандинавы, самый ретивый норманнист М. П. Погодин называет те строки, в которых говорится о призвании князей: «Идоша за море к Варягом к Руси, сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе, тако и си».

Почему это место так ясно свидетельствует, что имя варяги означало одних скандинавов? По следующей логике.

Если из пяти собеседников четверо немцы, то, следовательно, и пятый собеседник непременно должен быть немец, следовательно, и само слово собеседник непременно должно означать немцев же. Европейцами называются шведы, норвежцы, датчане, англичане. Известно, что это племена германские. Следовательно, и европейцы-россияне, не говоря о других, суть тоже германцы.

«Варягами Нестор ясно называет шведов, норвежцев, англичан, готов, — говорит Погодин, — не упоминая, однако, о руси, все эти племена у других народов назывались норманнами, скандинавами. Следовательно, варяги Несторовы суть скандинавы... Это математически ясно. Кому придет в голову, что варяги здесь в смысле европейцев?» Нам кажется, это придет в голову тому из читателей, который полюбопытствует спросить: куда же девалась русь при этом исчислении норманнских племен? Ведь в ней все дело. Она тоже варяги, но где показания летописи, что она тоже норманны, скандинавы? Нестор об этом крепко молчит, но отделяет русь от прочих варягов как особое самостоятельное племя, вроде шведов, норвежцев, готов, англичан. Он говорит только, что русь также называлась варягами, как и другие указанные племена. По его же словам, варяги есть имя общее для всех обитателей Балтий-

Глава VI

ЕВРОПЕЙСКАЯ САРМАТИЯ РИМСКОГО ВЕКА

Обитатели Сарматии с указаниями Страбона, Помпония Мелы, Плиния, Тацита. — Обзор «Географии» Птолемея. — «Известия» А. Марцеллина. — История роксолан, бастарнов, готов, уннов. — Славянство уннов. — Аттила. Его жилище и быт. — Сыновья Аттилы. — Унны-булгары. — Унны-савиры. — Славяне-анты. — Унны-котригуры и утигуры. — Авары. — Хазары. — Черты древнейшего славянского быта. — Заключение.

После Геродота географические сведения о нашей стране становятся кратки, отрывочны, неточны, а потом и неверны. Геродотова точка зрения на наши земли была греческая и притом собственно черноморская, из греческих черноморских колоний. Торговые греки очень хорошо видели нашу страну почти до самого Алтая, а потому имели верное понятие, откуда, например, течет Дон, как велико и куда простирает свою длину и ширину Каспийское море. Но когда с падением Греции образованность стала сосредоточиваться в Риме, то и наши страны снова покрылись киммерийским мраком. Из Рима уже трудно было что-либо разглядеть дальше Дуная, а о Днепре, Доне, Азовском море, особенно же о нашем Севере, там ходили такие рассказы, что Страбон и Тацит прямо отказываются от описания этих стран, говоря, что все известное о них баснословно. Страбон замечает, между прочим, что в его время (начало I века по Р. Х.) дальше Эльбы на восток римляне не знали ничего и никто туда не ходил ни морем, ни по сухому пути. Он не верит ходившему туда за 320 лет до Р. Х. Пифию, почитая его вралем. Сам Геродот представляется Страбону баснотворцем. Новый географ крепко уже верит, что Каспийское море есть залив Северного океана, что из Европы, хотя бы от Эльбы, по этому океану можно проплыть в Каспийское море, а баснословец Геродот описывает Каспий внутренним озером. Другие утверждали, что Дон течет из реки Аракса (вероятно, из Волги), говорили даже, что он течет через Кавказ, течет в местах, близких к истокам Дуная, течет из Рифейских (Уральских) гор и т. д. Эти ошибочные представления о нашей стране, совсем изменившие понятия древних о течении Дона и о Каспийском море, для нашей истории весьма важны и любопытны. Направляя течение Дона в разные стороны, они могут указывать, что именно в этих направлениях проходили тогдашние сношения донских обитателей с другими сосед-

ними странами, начиная от Истра и до Кавказа, как равно и до Урала. Что же касается ошибочных представлений о Каспийском море, то они, вероятно, произошли, главным образом, вследствие открытий, сделанных походами на Восток Александра Македонского. Некто Патрокл, начальник морских сил Птолемея I и Селевка (312—280 гг. до Р. Х.), уверял, что Каспий сообщается с Северным океаном, что по повелению Александра были сделаны описи пути из этого моря в океан, что он знает об этих описях от некоего Ксенокла и что, вообще, сев на корабль в Каспийском море, очень возможно пройти выше Скифии в Индию и оттуда в Персию. Он, однако, ни на кого не указывал, кто бы совершил такой переход. Но его утверждения, которые, без сомнения, основывались на показаниях народов, живших около Каспия, по-видимому, были так основательны, что им поверили весьма осторожные и ученейшие географы древности — Эратосфен (276—190 гг. до Р. Х.), а за ним Страбон. По этой причине и сказания правдивого Геродота были отнесены к разряду выдумок и басен. Проливом в Северный океан, как кажется, почиталось устье Волги, ибо этот пролив представлялся узким и длинным каналом. Об этом узком и удлинённом канале или рукаве упоминает уже Аристотель (322 г. до Р. Х.), описывая расположение земного мира и говоря, что океан, проходя узким и удлинённым рукавом, снова расширяется, образуя Иранское и Каспийское моря.

Нет сомнения, что в сказании Патрокла заключалась настоящая истина и неверен был только поспешный вывод географов, что из Каспийского моря можно проплыть на восток в Индию. Видимо, что рассказчики Патрокла, прикаспийские обитатели, хорошо знали путь по Волге и по Каме в Печору и по Волге в Балтийское море, которое тогда почиталось заливом Северного океана. А так как, по мнению древних, Северный океан близко отсюда обтекал вокруг всю землю, то естественно было заключить, что, выйдя из Каспия и повернув направо, можно проехать и до Индии, а из Индии до Персии. Для нас это смутное географическое сведение раскрывает то обстоятельство, что Балтийский север и в то уже время вел сношения с далекой Азией по Волге через Каспийское море. Геродот ничего не сказал об этих сношениях, но он довольно подробно и обстоятельно описал несколько народностей, живших в его время вблизи Средней Волги, упомянув, между прочим, виисагетов, в имени которых, несомненно, слышится наша весь или вису арабских писателей IX и X веков. Сведения об этом народе, конечно, получены волжским путем.

Плавание до этой Веси с севера, от Балтики, по Верхней Волге или, вообще, плавание из Балтийского в Каспийское море становится известным, стало быть, вскоре после Геродота, в век Александра Великого. Очевидно, что в это время на севере завязывался уже торговый узел, центром которого, судя по последующему, были, конечно, славяне, напиравшие к Ильмень-озеру и от запада по морскому заливу от венедов, и от юго-запада, от Карпатских гор, по Припяти и по Днепру.

Глава VIII

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ И ЕЕ СКАЗАНИЯ О ДРЕВНИХ ВРЕМЕНАХ

Происхождение и первые начатки русского летописания. — «Повесть временных лет». — Общественные причины ее появления. — Основной характер русского летописания. — Летописание составляется людьми городскими, самим обществом. — Печерский монастырь как святилище народного просвещения. — Последующая история русского летописания. — Летописные предания о расселении славян. — Круговая европейская дорога мимо Киева. Основатели Киева. — Первоначальная жизнь родом. — Различие быта патриархального и родового. — Род — колено братьев. — Состав рода. — Миф Трояна. — Городок как первоначальное родовое волостное гнездо. Происхождение городка как дружины. — Первоначальный городской промысел. — Богатырские былины воспевают древнейший городской быт. — Стольно-киевский князь Владимир есть эпический образ стольного города.

Подробные исследования состава наших летописей привели наших уважаемых ученых²¹⁸ к тому очень основательному и вполне достоверному убеждению, что первое начало летописных русских показаний относится если не к IX, то, по крайней мере, к X веку и восходит к началу самой русской истории. Первые летописные свидетельства появляются у нас в одно время или вслед за первыми героями нашей исторической жизни.

Явственные следы таких свидетельств сохраняются не только в древнейших, но и в поздних списках, почерпнувших свои известия из древних хартий, до нас не дошедших. Свидетельства эти очень кратки и отрывочны, иногда состоят из двух-трех слов или из двух-трех строк, и потому прямо указывают, что это были простые годовые заметки, которые, как уже доказано, вносились для памяти, например, в пасхальные таблицы или же для памяти вписывались при святцах, в синодиках или поминальниках, в книгах церковного круга. Стало быть, они впервые появились в самой же церкви, в общине первых на Руси христиан, первых грамотных людей, которые по самому уставу своей жизни, сохраняя писанием память о событиях и лицах христианской церкви, тем самым учились хранить память и о событиях своего времени и своей земли. Припомним, что еще в первые века христианской церкви существовал благочестивый обычай отмечать события и дни кончины христианских

мучеников для ежегодного празднования их святой памяти. Это послужило основанием христианской святой летописи, которая была потом собрана в Месяцеслов или, по обычному русскому выражению, в Святыцы. Помянутый обычай сохранялся в каждой церкви и в каждой приходской общине во всех странах, куда только достигало Христово учение. Он был естественным и необходимым явлением в христианской жизни, которая вся утверждалась вечной памятью о своих святых людях и их деяниях. Очень понятно, что такие памятные отметки впоследствии не ограничивались одними сведениями о первомучениках, но касались и других случаев и событий, почему-либо важных для местной церкви или местной общины. Неизменным оставался лишь сам обычай записывать все достойное христианской памяти, как в частном домашнем быту, так и в общем, политическом. Естественно также, что вместе с Христовой верой этот обычай, как неизменное ее предание, был принесен и в Русскую землю. И нет никакого сомнения, что первыми летописными свидетельствами о русских событиях, восходящими к самому началу нашей истории, мы обязаны первой христианской общине, водворившейся в Киеве. Известно, что Русь Киевская, хотя бы в малом числе, была крещена вскоре после первого похода на греков Аскольда и Дира, около 864 г.

Если с этого времени в Киеве было достаточно христиан и существовали христианские церкви, то нет причины сомневаться, что тогда же в церковных книгах, где помещались пасхальные таблицы, появились и памятные отметки о случаях и лицах, почему-либо важных для церковной общины, которая к тому же несомненно состояла из лучших передовых людей городского населения, знавших дела своей земли лучше других.

Вот почему об Аскольде и Дире мы имеем больше сведений, чем о знаменитом Рюрике и его братьях. Вот почему, например, такое одинокое летописное свидетельство, как убийство булгарами еще в 864 году Аскольдова сына, старательно сохранено, быть может, по той причине, что это был христианин, и, во всяком случае, потому, что он был сын христианина Аскольда. Сам год нашествия на Киев Олега мы получили, без сомнения, по случаю убийства Аскольда и Дира, отмеченного вначале кратко и потом уже распространенного эпическим преданием. На могиле Аскольда была после поставлена церковь св. Николая, церкви же христианами ставились обыкновенно на гробах мучеников. В летописи Иоакима Аскольд прямо именуется блаженным.

Собранные вместе, эти древнейшие летописные отметки рассказывают следующее:

«В лето 6372 убиен быст от болгар Осколдов сын. Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: “Яко быти нам рабом, и много зла (пропуск) всячески пострадати от Рюрика и от рода его”. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев светников его. В лето 6373 воеваша Аскольд и Дир полочан и много зла створиша. В лето 6375 бысть в Киеве глад велий. Того же лета избиша

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**